

Глава XVIII. Поражения белых

Осень 1919 г. стала кульминационной точкой антибольшевистских наступлений.

Территория, находившаяся под контролем большевиков, все более сужалась, приближаясь к границам бывшего Великого Московского княжества XVI века. Москва оставалась главной целью белых, так как взятие этого важнейшего железнодорожного центра позволило бы контролировать всю Европейскую часть России.

С запада, со стороны балтийских стран, армия генерала Юденича, численностью в 25 000 человек, двинулась на Петроград, опрокинула 7-ю красную армию и достигла окраины города. Бывшая столица оказалась под непосредственной угрозой, горячка в стане большевиков достигла апогея, Ленин говорил о том, чтобы оставить Петроград. Троцкий спас ситуацию, решив защищать его любой ценой. 16 октября, Юденич овладел бывшей царской резиденцией Царским Селом, затем Гатчиной и находился лишь в каких-то пятнадцати километрах от Петрограда. Его солдаты могли уже видеть «золотой купол Исаакиевского собора», расположенного на берегу Невы, в самом центре города. Троцкий поспешно собрал некоторые преданные части, обратился с призывом к рабочим, матросам, женщинам, красным курсантам. Строились баррикады и рылись траншеи; в пригородах начались бои. Их исход оставался неизвестным на протяжении нескольких дней. Троцкий выиграл, таким образом, решающую передышку, так как 15-я красная армия получила время, чтобы подойти и атаковать Юденича с тыла, заставив его отступить.

Юденичу не хватило двух вещей: помощи, обещанной англичанами, которые курсировали вдоль берега, и поддержки армейского корпуса Бермондта-Авалова и отдельных немецких корпусов, занятых, как это ни парадоксально, боями против войск независимой и буржуазной Латвии. Юденич был вынужден отойти в Эстонию, где его армия была разоружена.

На севере англичане, столкнувшись с теми же трудностями, что и французы в Одессе, лишили генерала Миллера своей поддержки и 26 сентября вновь погрузили войска на корабли, так что, предоставленные самим себе, без комплексной военной поддержки, белые партизаны были побеждены через несколько месяцев, и в марте 1920 г. красные взяли Архангельск.

На востоке Колчак, признанный верховным главнокомандующим всеми белыми генералами, в начале года начал наступление на Москву. Оно шло главным образом вдоль линий железной дороги. По численному составу это было самое сильное белое наступление; мобилизация дала результаты, превосходившие все надежды: 200 000 призывников, которые в глазах белых генералов имели преимущество перед опытными солдатами 1914-

1917 г., поскольку не испытали разложения революционной армии; офицеры вновь обрели всевластие и, в связи с этим, возобновили свои старые «патриархальные» методы.

Адмирал Колчак, «верховный правитель России» был, по словам его окружения, «всегда кипящим котлом, в котором суп никогда не сварен»! Он располагал штабом в 900 офицеров, 58 из которых были заняты исключительно цензурой! Его временная столица Омск стала, по сути дела, главным центром для тыловых крыс: еще 5000 офицеров предавались там самым разнузданным кутежам и мирно занимались прибыльными интендантскими делами. Все эти сделки и хищения осуществлялись в ущерб недостаточно экипированному войску, вынужденному вести операции в разгар зимы, при минус 45 градусов, что привело к обморожению и ампутации конечностей многих солдат.

К счастью Колчака был еще чешский легион, переданный под фиктивное командование французского генерала Жанэна; благодаря ему, наступление в марте 1919 г. простерлось за Уфу и Оренбург на ширину 300 км. Самая продвинутая точка находилась к концу апреля в Казани, около 600 км от Москвы. В мае ситуация полностью изменилась; 3 полка подняли бунт, убили 200 офицеров и перешли на сторону красных. За ними последовали другие случаи массового дезертирства. Солдаты на фронте были истощены, страдали от недостаточного снабжения по той простой причине, что в тылу повсюду господствовало страшное воровство. Чехи, демократы по духу, питали только отвращение к колчаковской военщине, которая во время переворота, организованного адмиралом, отличилась, истребив несколько сот эсеров, сторонников «Комитета в защиту Учредительного собрания» (комуч). Многочисленные расправы над населением вызвали появление бесчисленных партизанских отрядов, постоянно нападавших на поезда и базы колчаковской армии. Чехи отказались продолжать дальше наступление, чтобы заняться исключительно обеспечением движения на Транссибирской магистрали.

Результат всех этих проявлений непрофессионализма, некомпетентности и интриг не заставил себя ждать: начальное наступление закончилось полным разгромом; штабы бросали свои части, которые переходили на сторону противника, люди разбегались. Вскоре, в октябре 1919 г., от сибирской армии, которая должна была освободить Москву и Россию, остались только воспоминания. Как пишет генерал Жанэн, это «крушение армии случилось главным образом из-за постепенной утраты приверженности народа к правительству Колчака, утраты, вызванной его полицейскими мерами, начиная с убийства уфимских учредителей в декабре 1918 г.»⁹¹. Причем до такой степени, что большевиков, которые также истребили в Сибири немного раньше тысячи людей, сейчас встречали как освободителей.

Красная армия, раздираемая внутренними противоречиями и явно недостаточно оснащенная, не могла все же полностью воспользоваться сибирским поражением белых; она довольствовалась тем, что следовала на расстоянии за отступающим противником, пользуясь его разложением, а малейшая остановка белых ею рассматривалась как контрнаступление. Борьбу вели главным образом десятки тысяч сибирских партизан, в большинстве своем эсеры; именно они ускорили падение адмирала.

Помпезно начавшись, авантюра «спасителя родины» имела шекспировский конец: Колчак ездил туда и обратно по Транссибирской магистрали, в сопровождении поезда, груженного золотом, отнятым у Самарских учредителей (комуча). Отталкиваемый теми и другими, он, в конце концов, попал в плен к иркутским эсерам, был осужден и расстрелян 7 февраля 1920 г.

Самым мощным и самым опасным из антибольшевистских белых наступлений было наступление генерала Деникина, который объединил на своей стороне казацкие армии Дона, Кубани и Терека. Новая армия, теперь названная Вооруженными силами Юга России, насчитывавшая 150 000 опытных и боевых солдат, полностью овладела Кавказом и территорией Дона, затем двинулась на Царицын и Астрахань, два ключевых города низовьев Волги, чтобы соединиться с Колчаком. В июне 1919 г. барон-генерал Врангель прорвал оборону Царицына и опрокинул красную армию под командованием бывшего кавалерийского унтер-офицера Ворошилова, которому помогал политкомиссар Иосиф Джугашвили – более известный затем под именем Сталина. Добыча была огромной: 2 бронепоезда, 131 паровоз, 10 000 вагонов, из которых 2085, груженных боеприпасами, 70 пушек, 300 пулеметов и 40 000 пленных. Потери донских казаков и кавказского кавалерийского корпуса были огромными, командирами в этот раз не были опереточные колчаковские генералы; здесь они считали, что должны идти во главе своих войск и часто погибали в бою.

На западе, как мы видели, украинский фронт, удерживаемый фактически безоружными махновцами, оказался прорванным в июне; поэтому 20 июня Деникин выдвигает в качестве конечной задачи взятия Москвы. Наступление планировалось в трех разных направлениях: армия под командованием Врангеля должна была двигаться на Саратов, затем через Нижний Новгород на столицу; Донская казаческая армия под командованием генерала Сидорина – следовать на Воронеж – Рязань; тогда как Добро-вольческая армия под командованием Май-Майевского должна двигаться через Харьков – Курск – Орел и Тулу; что составляло в целом фронт шириной 800 км. Это была серьезная стратегическая ошибка, совершенная под впечатлением легких побед, не имевших ни политического, ни военного значения. В военном отношении, Врангель написал рапорт Деникину, в котором обращал его внимание на то, что «при чрезвычайной растяжке нашего фронта, при полном отсутствии резервов и совершенной неорганизованности тыла представлялось опасным. Мы предлагали главнокомандующему временно закрепиться на сравнительно коротком и обеспеченном на флангах крупными водными преградами фронте Царицын – Екатеринослав и, выделив из Кавказской армии часть сил для действия в юго-восточном направлении с целью содействия Астраханской операции, сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу, 3-4 корпуса. В дальнейшем действовать конной массой по кратчайшим к Москве направлениям, нанося удары в тыл красным армиям. Одновременно организовывать тыл, укомплектовывать и разворачивать части, создавать свободные резервы, строить в тылу укрепленные узлы сопротивления».

Вместо ответа генерал Деникин сказал ему насмешливым тоном: «Ну, конечно, первыми хотите попасть в Москву».102

«Честному подчиненному, рожденному вторым, но ставшему знаменосцем¹¹³» каковым был Деникин, предложения разудалого генерала, проявившего себя уже во время русско-германской войны, могли показаться только причудливыми, одновременно слишком осторожными и смелыми, тем более в то время, когда он начал осознавать, что фронт такой протяженности не может удерживаться военной силой, насчитывающей только 150 000 человек; к тому же, прямой набег значительных сил кавалерии на столицу мог бы действительно обрушить фронт красных армий. Лучшим доказательством этому был рейд генерала Мамонтова, бывшего гусара, ставшего донским казаком.

Получив задачу уменьшить давление противника на Донскую армию, Мамонтов 22 июля глубоко проник в тыл красной армии, имея в своем составе 6000 казаков, 3000 пехоты, 3 танка и 7 бронепоездов. Он осуществил знаменитый рейд на расстояние около 2200 км за шесть недель, опрокидывая все пехотные и кавалерийские дивизии, посланные ему навстречу. Во время этого рейда, который напоминает рейд конфедеративного генерала Ли во время гражданской войны в США, коммуникации и снабжение многих корпусов красной армии были разрушены; многие десятки тысяч солдат, насильно мобилизованных красной армией, отправлены обратно по домам; важные города, такие как Тамбов, Козлов и пригороды Тулы, расположенной в 200 км от Москвы, были взяты. Высшее советское командование комментирует этот рейд следующим образом: «противник, учитывая благоприятную для себя обстановку, отсутствие конницы, плохо налаженную связь, продолжал хозяйничать по всему тылу, забирая город за городом, разрушая все железные дороги и нормальную жизнь тыла, расстреливая всех попадавшихся ответственных работников, вооружая население и побуждая его к партизанским действиям».124

Во время рейда Мамонтов, находившийся всегда в первых рядах своих солдат, бесплатно раздавал все продукты населению, вооружал добровольцев и привел с собой дивизию, сформированную из жителей Тулы, которая немедленно влилась в белую армию. Он привел обратно также почти весь свой личный состав, но потерял половину лошадей из-за ежедневных переходов в 60-70 км. Его кавалерия образовала колонну на 8-10 км, за ней следовал обоз из 2300 повозок с добычей, растянувшийся на 7-8 км. Несколько красных дивизий пытались отрезать ему обратный путь; он симулировал прорыв в одном месте, ждал пока войска противника сосредоточится там, затем атаковал в другом месте, опустошая тылы красной армии. Он прошел так неожиданно по другую сторону фронта, что казаческий армейский корпус Шкуро, также застигнутый врасплох, вступил с ним в бой, пока не заметил ошибку.

Не желая отставать, генерал Шкуро, в свою очередь прорвал фронт противника и овладел Воронежем; он попросил разрешения осуществить рейд, чтобы овладеть столицей. Эту инициативу ему строго пресекали, пригрозив военным трибуналом. Штаб белых был настолько уверен в близости своей победы, что не допускалась и мысль, чтобы лавры победы получили казаки, а не какая-нибудь добровольческая офицерская часть. Этот грубый просчет оказался фатальным для наступления, так как несколько незначительных факторов в короткий отрезок времени, с тяжелыми последствиями на протяжении более длительного периода, полностью изменили ситуацию.

Когда они уже почти слышали «звон колоколов Кремля», белые генералы вынуждены были поспешно отступить. Врангель предчувствовал эту ситуацию, идя против общего энтузиазма, царившего в лагере белых, которые на тот момент контролировали территорию в 820 000 км² с населением 42 миллиона жителей:

Наши армии продолжали стремиться на север. К октябрю месяцу были заняты Киев, Курск, Орел. Наша конница стояла под самым Воронежем, а казаки генерала Шкуро даже занимали город несколько дней. Весь богатый юг с его неисчерпаемыми запасами был занят войсками генерала Деникина. Ежедневно сводки штаба главнокомандующего сообщали о новых наших успехах. Генерал Деникин в благодарственном приказе на имя командующего Добровольческой армией говорил о том, как добровольцы «вгоняют» в вражеский фронт «клин к Москве».

Вместе с тем для меня было ясно, что чудесно воздвигнутое генералом Деникиным здание зиждется на песке. Мы захватили огромное пространство, но не имели сил для удержания его за собой. На огромном, изогнутом дугой к северу фронте вытянулись жидким кордоном наши войска. Сзади ничего не было, резервы отсутствовали. В тылу не было ни одного укрепленного узла сопротивления. Между тем противник твердо придерживался принципа сосредоточения сил на главном направлении и действий против живой силы врага. Отбросив сибирские армии адмирала Колчака на восток, он спокойно смотрел на продвижение наших войск к Курску и Орлу, сосредоточивая освободившиеся на Сибирском фронте дивизии против моих войск, угрожавших сообщениям сибирской Красной армии. Теперь, отбросив мою армию к Царицыну, ясно отдавая себе отчет в том, что обескровленная трехмесячными боями Кавказская армия не может начать новой наступательной операции, красное командование стало лихорадочно сосредоточивать свои войска на стыке Донской и Добровольческой армий. Сосредоточивающейся новой крупной массе красных войск главнокомандующему нечего было противопоставить.¹³⁵

Красная армия действительно ожила благодаря хорошему снабжению и непрерывному подкреплению новыми призывниками (общая численность личного состава достигла в этот момент трех миллионов); она постепенно отодвинула Донскую армию и армию Врангеля. Операциями руководил Сергей Каменев, бывший царский штабной полковник. Кавалерийский корпус красного казака Буденного начал показывать, на что он способен, и его участие стало решающим. Но самые большие трудности у белых были в тылу и на флангах. Снова дадим слово Врангелю:

В глубоком тылу Екатеринославской губернии вспыхнули крестьянские восстания. Шайки разбойника Махно беспрепятственно захватывали города, грабили и убивали жителей, уничтожали интендантские и артиллерийские склады.

В стране отсутствовал минимальный порядок. Слабая власть не умела заставить себе повиноваться. Подбор администрации на местах был совершенно неудовлетворителен. Произвол и злоупотребления чинов Государственной стражи, многочисленных органов контрразведки и уголовно-розыскного дела стали обычным явлением. Сложный вопрос нарушенного смутой землепользования многочисленными, подчас противоречивыми приказами главнокомандующего не был хоть сколько-нибудь удовлетворительно разрешен.

Изданными в июне правилами о сборе урожая трав правительством была обещана половина помещику, половина посевику, из урожая хлебов 2/3, а корнеплодов 5/6 посевику, а остальное помещику. Уже через два месяца этот расчет был изменен и помещичья доля понижена до 1/5 для хлебов и 1/10 для корнеплодов. И тут в земельном вопросе, как и в других, не было ясного, реального и определенного плана правительства. Несмотря на то что правительство обладало огромными, не поддающимися учету естественными богатствами страны, курс денег непрерывно падал и ценность жизни быстро возрастала. По сравнению со стоимостью жизни, оклады военных и гражданских служащих были нищенскими, следствием чего явились многочисленные злоупотребления должностных лиц.¹⁴⁶

Обеспокоенный этой ситуацией, которую он считал серьезной, Врангель отправился в Ростов в главный штаб белых. Там он встретился с Деникиным; по словам Деникина «все идет наилучшим образом» и «взятие Москвы только вопрос времени», «полностью деморализованный и ослабленный враг не может оказывать нам сопротивление». Врангель попытался привлечь его внимание к «передвижению повстанцев разбойника Махно, которое угрожало их тылу»; но натолкнулся на полное непонимание главнокомандующего: «Это несерьезно. Мы с ним покончим в один миг». В политическом плане ничтожество Деникина было таким же: он «не хотел уступить ни пяди русской территории» полякам и грузинам. Такое же отношение к кубанским казакам, желавшим вновь обрести автономию, было непосредственно более серьезным. Рада (правительство) Кубани становилась действительно все более враждебной по отношению к белым; ее председателя П.Л. Макаренко, по мнению белых офицеров, следовало уничтожить, поскольку он симпатизировал махновскому движению.

По мнению советского историка Кубанина, казаки, главным образом, хотели организовать демократические, автономные и независимые республики Дона, Кубани и Терека, федеративно объединенные с националистской Украиной Петлюры, с меньшевистской Грузией, затем, после свержения большевиков, с демократической Россией. Кубанин охотно признает, что казаки вовсе не были сторонниками восстановления монархии; только небольшая кучка казачьей старшины думала об этом, но под давлением масс была вынуждена отказаться от этого принципа¹⁵⁷.

Деникин предпочел действовать силой и приказал повесить Калабухова, руководителя Рады, вызвав отступление и растущее дезертирство кубанских казаков. Этим он показал также, что борется не против большевизма, а против любых завоеваний демократии во всех областях социальной жизни и стремится просто-напросто только к реставрации царизма и абсолютному господству помещиков, духовенства и жандармов. Это было так, хотя он обещал, что Учредительное Собрание – становившееся все более гипотетическим по мере нарастания успехов – решит земельную проблему; пока же земля была возвращена прежним собственникам или, в лучшем случае, крестьяне, обрабатывавшие ее, должны были отдавать треть урожая владельцу.

А белые офицеры, даже если они проявляли добрую волю, были парализованы иерархическим почитанием и оказались бессильными что-либо изменить. Один из них, из самых знаменитых участников русско-германской войны, Андрей Григорьевич Шкуро,

пытался сдерживать жестокое и антидемократическое поведение своих руководителей. Это был человек низкого роста, крепкий, с хриплым голосом, которого некоторые из соперников называли «Макс Линдер в генеральских погонах». Действительно, он начал бороться против большевиков с начала 1918 г., ему довелось пострадать от приблизительных методов их юстиции (только совпадение фамилий спасло его от расстрела); впоследствии он присоединился со своим отрядом к добровольческой армии. Относительно реставрации старых помещичьих порядков, его жена с начала 1919 г. проявляла пессимизм по поводу развития событий; это мнение, должно быть, отражает мнение мужа. Он возмущен массовыми расправами Покровского; того действительно прозвали «Вешателем», что было вполне справедливо: он вешал сотни крестьян по той единственной причине, что они не носили на шее православного крестика. Шкуро напрасно хлопотал перед Покровским – старшим по званию – о спасении анархиста Александра Гэ в Кисловодске. В другой раз ему удалось все-таки спасти в последний момент одного еврея, произвольно осужденного к повешению¹⁶⁸. Он попытался также вырвать лидера Кубани Калабухова из рук Покровского, полностью ставшего исполнителем низких деяний Деникина. Все же эти вмешательства способствовали только тому, что на него стали косо поглядывать в деникинском штабе. Эту немилость он компенсировал блестящими успехами в службе. Прежде чем осуществить прорыв на фронте против Махно, Шкуро попытался перетянуть его на свою сторону, отправив посланников с предложением объединиться в совместной борьбе против большевиков. Будучи сам казацкого рода, он считал себя близким к своим далеким двоюродным братьям с левого берега Днепра, которые, по его мнению, гордились своим именем «Казаки» и надеялись восстановить запорожскую республику. Он признавал, что большинство из них симпатизирует батьке Махно: «Он против помещиков, мы тоже – говорили они. – Земля наша; пусть каждый возьмет, сколько нужно, это нам подходит»¹⁷⁹. Однако Шкуро показалось, что Махно воюет против большевиков и евреев, и именно на этой основе он предложил ему совместную борьбу. Поскольку ответ Махно был отрицательным, Шкуро в июне 1919 г. начал против него сокрушительное наступление. Он рассказывает, как во время этого наступления принимали вначале его бойцов в освобожденном Екатеринославе:

Измученное ужасами большевизма население умоляло не отдавать снова города во власть красных, и Ставка разрешила оставить город за нами. Я никогда не забуду въезда моего в Екатеринослав. Люди стояли на коленях и пели «Христос Воскресе», плакали и благословляли нас. Не только казаки, но и их лошади были буквально засыпаны цветами. Духовенство в парадном облачении служило повсеместно молебны. Рабочие постановили работать на Добрармию по мере сил. Они справляли бронепоезда, бронеплощадки, чинили пушки и ружья. Масса жителей вступала добровольцами в войска. Подъем был колоссальный. Как изменилось все это впоследствии, когда там поработали, на разрушение русского дела, господя вроде губернатора Щетинина.¹⁸¹⁰

Он констатирует полную политическую пустоту деникинского движения:

Мобилизуемые принудительно крестьяне и рабочие, интересовались прежде всего программой Добрармии. Ощутившие на своей шкуре грубую неправду большевистских обещаний, народные массы, разбуженные политически, хотели видеть в Добрармии прогрессивную силу, противобольшевистскую, но не контрреволюционную. Программа

Корнилова была ясна и понятна; по мере же успехов Добрармии программа ее становилась все более неясной и туманной. Идея народоправства не проводилась решительно ни в чем. Даже мы, старшие начальники, не могли теперь ответить на вопрос: какова же в действительности программа Добрармии даже в основных ее чертах? Что же можно было сказать о деталях этой программы, как, например, в ответ на вопрос, часто задававшийся мне шахтерами Донецкого бассейна: каковы взгляды вождей Добрармии на рабочий вопрос? Смешно сказать, но приходилось искать добровольческую идеологию в застольных спичах и речах, произнесенных генералом Деникиным по тому или другому случаю; простое сравнение двух-трех таких "источников" убеждало в неустойчивости политического мировоззрения их автора и в том, что позднейшей скептицизм и осторожность постепенно аннулировали первоначальные обещания. Никаких законоположений не было; ходили слухи о том, что-то пишется в тиши кабинетов; нас же, полевых работников, постоянно сталкивавшихся с недоумениями и печалью населения, ни о чем не спрашивали и даже гневались, когда мы подымали эти вопросы...1911

Невероятно! Идеология белых, тех, кто хотел освободить русский народ от большевистского ига, зависела от изжоги в желудке или от настроения их верховного командующего, сына бывших крепостных, Деникина! Понятно, почему Троцкий боялся больше Махно, чем белых.

Когда Шкуро оказался в Воронеже и готовился, несмотря на запрет, обрушиться на Москву, его начальник, генерал Плющевский-Плющик, предупредил его: «возможность такого марша с твоей стороны была уже рассмотрена в главной ставке, и что в этом случае ты будешь немедленно объявлен государственным изменником и затем, даже в случае полного успеха, предан военно-полевому суду²⁰¹²». Шкуро прокомментировал это, сказав, что ему пришлось подчиниться, но если бы он это сделал, история России изменилась бы. Он добавил, что ему не хочется верить, несмотря на многочисленные свидетельства в подтверждение этому, что генеральный штаб опасался казаков и не хотел, чтобы главную роль в освобождении Москвы сыграли казацкие войска.

В последствии вмешательство кавалерии Буденного и угроза тылу со стороны махновцев сделали невозможным всякое продвижение белых и не позволяли предпринять новый поход на Москву. Отметим также, что в Помощной и Умани махновцами был раздавлен один из лучших полков армейского корпуса Шкуро, Лабинский; с этого момента в ожесточенной борьбе не на жизнь, а на смерть столкнулись «братья»-запорожцы.

Другой типичный случай отношения к белым, на этот раз со стороны александровских инженеров, приведен Павловым, полковником отборной дивизии Маркова. На поставленный ему вопрос, за что борется добровольческая армия, один офицер ответил:

– За Единую Великую, Неделимую.

– Это общая фраза, ничего не говорящая, – возражали ему: – и большевики борются за это же. Но они в то же время разрешают так или иначе вопросы политические, социальные, экономические, чтобы улучшить жизнь народа. Так вот, как разрешает эти вопросы Добрармия?

Ответа от офицера не последовало. Он мог бы высказать свое мнение, но о мерах Добрармии он ничего не знал. Пришлось отговориться фразой правдивой и законной, но

никого не удовлетворившей:

– Мы воюем, чтобы освободить Родину, а все остальное нас не касается. Армия вне политики!

Инженеры добродушно улыбнулись и разговор перешел на другие темы.

Дальше Павлов приводит случай с одним офицером, служившим в отделе деникинской пропаганды, которому поручили объяснить крестьянам и рабочим, что все беды из-за франкмасонского заговора и из-за «Протоколов сионских мудрецов». Сам Павлов признает, что такого оправдания борьбы белой армии было недостаточно, чтобы вскрыть корни большевизма.²¹¹³

Националистская мистика Деникина приводит к тому, что он начал боевые действия против украинских националистов Петлюры, которые, однако, хотели только прийти к соглашению с ним на основе признания их независимости. Он обозвал Петлюру «бандитом», угрожал его повесить и создал себе фронт. Командующий добровольческой армией генерал Май-Маевский запретил даже преподавание украинского языка в июле 1919 г. в части Украины, занятой его войсками.

Еще один аспект власти белых сослужил плохую службу в глазах населения, а именно грабежи и жестокости, совершаемые офицерами, имевшими все полномочия и составлявшими касту, возвышавшуюся над всякими подозрениями, деяния которой оставались безнаказанными. В этом они уже достойные наследники чекистских убийц. Мы это уже видели в Гуляй-Поле, в июне 1919 г., но это подтвердилось и в других местах региона. Мы располагаем здесь свидетельством советского диссидента генерала Григоренко, родом из Борисовки, расположенной вблизи Мариуполя. Григоренко, старший брат которого был между прочим махновцем, описывает, как городской совет Ногайска (другого городка в этом районе), состоявший из мирной знати, избранной после февраля 1917 г., был назван «красным», затем все его члены были расстреляны белыми на основании этого единственного «обвинения». Хуже того, некто Новицкий, оставшийся в живых после этого расстрела, надел свою форму бывшего капитана царской армии, нацепил все свои самые высокие военные награды и отправился к местному коменданту, чтобы выяснить причину этого варварского поступка. В ответ он услышал: «Ты еще учить нас будешь, большевистская подстилка! Права требовать! Я тебе покажу права!»; вытащив наружу, его застрелил пулей в затылок.²²¹⁴ Один из офицеров корпуса Шкуро отличился в лютых репрессиях и похвалялся тем, что приказал уничтожить 4000 махновских пленных, совершенно безоружных, во время взятия Мариуполя в июне 1919 г. Другой белый офицер подверг пыткам одного интеллигента, потому что тот по неосторожности назвал его «товарищ». Несчастному надели на голову удавку и постепенно сдавливали ее при помощи палочки, пока не лопнул череп. Какая-то девушка подошла к офицеру и плюнула ему в лицо, он зарубил ее на месте саблей. Толпа была вынуждена оставаться на месте и смотреть на это зрелище под угрозой кнута.²³¹⁵

Сам Шкуро, несмотря на свои благие демократические желания, рекомендовал своим солдатам, по свидетельству английского журналиста Вильямса, систематически насиловать жен повстанцев и еврейских женщин (тысяча из которых были изнасилованы таким образом в Екатеринославе); такого в этих краях не видели со времен половцев в Средние века.

Эти издевательства сопровождалась грабежами населения в «освобожденных» районах. Генерал Май-Маевский показывал пример, превратив свою резиденцию в Харькове в магазин по продаже дорогой мебели и ценных вещей, кроме того, он отличался своими оргиями. Врангель хорошо знал обо всех этих должностных преступлениях, вымогательствах и злоупотреблениях властью. Он составил неприукрашенный рапорт на имя Деникина от 9 декабря 1919 г.:

Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами, используя их попечением самих частей и обращая в свою пользу захватываемую военную добычу.

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами – в грабеж и спекуляцию.

Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все: что не могло быть использовано на месте – отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров – некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов.

В руках всех тех, кто так или иначе соприкасался с делом «самоснабжения», – а с этим делом соприкасались все, до младшего офицера и взводного раздатчика включительно, – оказались бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство. К несчастью, пример подавали некоторые из старших начальников, гомерические кутежи и бросание бешеных денег которыми производилось на глазах всей армии.

Неудовлетворительная постановка контрразведки и уголовно-розыскного дела, работавших вразброд, недостаточность денежных для них отпусков и неудачный подбор сотрудников, все это дало большевистским агитаторам возможность продолжать в тылу армии их разрушительную работу.

Необеспеченность железнодорожных служащих жалованьем повела к тому, что наиболее нужные служащие при приближении большевистского фронта бросали свои места и перебежали на сторону противника.

Население, встречавшее армию при ее продвижении искренним восторгом, исстрадавшееся от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало вновь испытывать на себе ужасы грабежей, насилий и произвола.

В итоге – развал фронта и восстания в тылу.2416

Со своей стороны Врангель пытался реагировать, приказал расстрелять одного капитана, организатора расправ, и восстановил видимость дисциплины в своей армии; но все оказалось напрасно, было уже поздно.

Деникин, который в этот промежуток времени был назначен преемником Колчака, попытался переломить эту тенденцию, отозвав Май-Маевского, а затем издал 15 декабря 1919 г. программу:

«1. Единая, Великая и Неделимая Россия. Защита Веры. Установление поряд-ка. Восстановление производительных сил страны и народного хозяйства. Поднятие

производительности труда.

2. Борьба с большевизмом до конца.

3. Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить. Всякое противодействие власти – справа и слева – карать. Вопрос о форме правления – дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и без навязывания. Единение с народом.

Скорейшее соединение с казачеством путем создания Южно-русской власти, отнюдь не растрачивая при этом прав общегосударственной власти. Привлечение к русской государственности Закавказья.

4. Внешняя политика – только национальная, русская. Невзирая на возникающие иногда колебания в русском вопросе у союзников – идти с ними, ибо другая комбинация морально недопустима и реально неосуществима.

Славянское единение. "За помощь – ни пяди русской земли..."

Далее следовал еще ряд пунктов.»2517

В этой неясной неоднозначной патриотической смеси не было ни предложений, ни конкретного ответа на чаянья трудящихся масс. С его стороны было еще любезностью желание «продолжать идти» вместе с союзниками, так как французы и англичане поставляли вооружение и снаряжение белым войскам! Что касается боевых действий против Грузии, Армении и Дагестана – Закавказья, они отрезали белых от помощи или от возможности отступления, которая им, однако, вскоре будет, и еще как, необходима!

17 декабря было создано чисто формальное правительство; министры были назначены «управляющими», но они оставались марионетками генерального штаба. Деникин попал в такой же переплет, как и Колчак, именно так это излагает французский дипломат Фернан Гренар, находившийся в это время на службе в России.

говорить о Колчаке, это значит тем более говорить о Деникине, вокруг которого собрались самые преданные старому режиму генералы, офицеры, чиновники, помещики. В этом окружении Деникин вызывал подозрение в либерализме, сам же он считал революционным «Политический центр», объединивший самых уважаемых сторонников умирающего общества. Подобно Колчаку в случае с чехо-словаками, он отстранил казаков, составлявших его главный ресурс, закрыл их Раду, казнил одного из их депутатов. С обеих сторон господствовал самый абсолютный произвол, которого не было в царские времена. Больше не существовало ни прав, ни свободы. Беспорядки и бунты вспыхивали со всех сторон. Их подавляли, как могли; людей всем известных как врагов большевиков, преследовали, арестовывали и отправляли в ссылку; жгли, вешали, расстреливали, грабили. Аграрный вопрос не только оставался нерешенным, но помещики шли вслед за продвигавшимися войсками, возвращали себе свое имущество *manu militari*, мстили «своим» крестьянам. Что удивительного в том, что население, как в занятых районах, так и в тех, которые предстояло отвоевать, повернулось против тех, кто претендовал на роль его освободителя, и научилось у них видеть в большевиках единственных и настоящих защитников таких дорогих завоеваний революции?2618

Констатируя всюду, куда они приходили, непопулярность большевиков, белые склонны были верить, что их успешная дорога проложена уже до самой Москвы, с одной стороны, они не

